

18+

БОГДАН СВЕТЛАНА

Когда бабочки были цветами

Светлана Богдан

Когда бабочки были цветами

«Издательские решения»

Богдан С.

Когда бабочки были цветами / С. Богдан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935572-0

История одного воспоминания о давно ушедшем детстве, символом которого стал один простой случай в поле за лесом, навсегда застывшим моментом счастья в памяти. Только глаза детской души способны видеть самые обычные вещи самым настоящим фейерверком чудес.

ISBN 978-5-44-935572-0

© Богдан С.
© Издательские решения

Содержание

Старик у моря	6
Фома Ильич и маг	13
Анька Блинецова	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Когда бабочки были цветами

Светлана Богдан

© Светлана Богдан, 2020

ISBN 978-5-4493-5572-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Старик у моря

На песчаном берегу моря сидел старик Игнат и чинил рыболовные сети. Заметно похолодало. Море шумело рядом. Высокие волны накатывали и откатывали, оставляя на берегу морскую пену. Старик часто вздыхал, словно ему не хватало воздуха, и поглядывал на горизонт. Губы слегка шевелились, творя молитву. Ветер трепал его бороду, его дырявую шляпу, его сети, словно пытаясь прогнать старика с берега. Но он продолжал сидеть на маленьком, ржавом ведре, перевёрнутым вверх дном и возиться с своими сетями. Игнат всю свою жизнь был рыбаком. Ничего другого он в жизни не знал. С самых малых лет, когда отец впервые взял его с собой в море, Игнат понял, что больше ни дня не сможет прожить без волн и лодки. Иногда, бывало, он просто ложился на спину на дно лодки, и море уносило её так далеко, что берег скрывался из виду. С наступлением ночи Игнат, ориентируясь по звёздам, брал в руки вёсла и спешил к родному дому. Конечно, он получал встрёпку от отца за такие выходки, но молодость есть молодость. Всё кажется по плечу.

Когда Игнату исполнилось шестнадцать его женили. Не то, чтобы он хотел завести семью, просто так было принято в их маленьком селении, где все друг друга знали в лицо. Всех женили рано, редко кого по любви.

«Женись, сынок, женись. Жизнь рыбацкая семью любит. Стерпится – слюбится», – напутствовал Игната отец и повёз его свататься.

Игнат не любил свою жену, она отвечала ему тем же. А куда денешься, терпя друг друга, так и прожили всю свою жизнь, да народили восемь детей. Три сына и пять дочерей. Три дочери полегли от тифа в детстве, остальные выросли. Игнат тоже оженил своих сыновей рано, согласно традиции. Теперь у него было по внуку от каждого сына.

Одну из дочерей Игнат хотел насильно выдать замуж за рыжего Ваську, который к ней посватался. Она умоляла отца не ломать ей жизнь. Но отец твердил: «Твоё бабье дело – не любить, а детей рожать, дом чистить и мужу похлёбку варить. Стерпится – слюбится. Никакой любви я не знал, а прожил с вашей матерью всю жизнь, ходил с море, ловил рыбу, вас вырастил. И слава Богу жизнь была».

«А был ли ты счастлив в своей жизни, отец?» – кричала дочь ему в слезах.

Для Игната этот вопрос был, как кнут, который прошёлся по его самому нежному месту.

«Не был. Не был! Понятно тебе? И что такое счастье? Рыбак терпит, всю жизнь терпит! Терпение есть его счастье. Поняла ты, дура? Терпение! И ты терпи, а научишься терпению и счастливой станешь».

Её мать Параскева стояла в соседней комнате, обливаясь слезами, слушая этот разговор отца и дочери.

Отец не сжалился над слезами невинной девушки и назначил день свадьбы.

Поняв свою обреченность, и больше не надеясь на милость отца, дочь бросилась вниз со скалы в море. На похоронах Параскева проклинала свою жизнь, прося у неба смерти и себе. Игнат не проронил ни слова. Он молча стоял у закрытого гроба и смотрел в землю.

Другую дочь Параскева отослала в монастырь, чтобы и с ней не повторилась история, что уже убила одну дочь.

После этого Параскева стала тенью в доме. Она больше не напевала, не улыбалась. Она разучилась радоваться. Её заплаканные глаза прояснились только тогда, когда в доме появлялись внуки.

«Игнат, что делать-то будем?» – спросила Параскева, ставя на стол чашки с луковым супом.

«Что что делать?» – отозвался он, отрезая ломоть хлеба.

«Уже второй день вестей нет», – тихо сказала Параскева.

«Что делать будем. Ждать будем».

Параскева обхватила руками голову и зарыдала: « Проклятое море забирает моих детей одного за другим, а я ждать должна! Да чтоб ему высохнуть!»

«Чего ты голосишь? Вернуться ещё, может быть. Не хорони раньше срока», – утешал он.

Параскева качала головой, утирая слезы: «Не вернутся. Сердцем чувю, что не вернутся».

Они молча посидели за деревянным столом, затем Игнат принялся за суп, а Параскева, молча, смотрела в окно на море. Когда она начала убирать со стола, то объявила мужу: «Не смей мальцов брать с собой в море. Не смей ничего им вбивать в головы про рыбацкую жизнь. Больше рыбаков у нас не будет! Подрастут в город пусть отправляются. Подальше от моря судьбу ищут. Так хоть до старости доживут, да внукам своим в глаза посмотрят. Понятно тебе? Покончено с морем!»

Ранним утром Игнат вышел к морю. Он ходил по берегу и вглядывался в линию горизонта, пытаясь увидеть не плывёт ли лодка сыновей.

«Вон же она! Живы! Живы родимые!» – обрадовался старик, чуть не плача. Он хотел было позвать Параскева, но удержался. Через полчаса он осознал, что ему показалось. Никакой лодки там не было. Только высокие и тёмные волны.

«Деда, деда!» – послышалось за спиной. Это был внук Иван от первого сына. Он бежал к Игнату.

«Деда, бабка Параскева послала меня к тебе просить наловить рыбы!» – доложил внук.

Игнат потрепал белобрысый чуб внука, улыбнувшись.

«А что тату? Скоро вернётся? А то мамка дома уже плачет», – пожаловался он деду.

«Скоро, миленький, скоро», – со слезами в глазах пообещал Игнат, трогая худые плечики внука.

«Ну, я побегу! Черемуху собирать пособлю мамке», – вспомнил Иван.

«Беги, родной, беги».

Иван развернулся и побежал.

«Постой!» – окликнул его Игнат.

Семён поворотил к деду.

«Когда вырастешь, ты кем быть хочешь?»

«Я? Художником», – заулыбался внук, почесывая рукой за ухом.

«Художником? А что рисовать собираешься?» – удивился дед.

«Море», – протяжно произнёс Иван, показывая рукой на море.

«Ну, беги, беги. Мать заждалась, наверное», – улыбнулся Игнат.

Иван быстро побежал домой, а Игнат принялся расправлять свои снасти, чтобы наловить рыбы.

«Художником! Ишь чего удумал! Художник!» – с добром усмеялся Игнат.

«Вот, принёс», – сказал Игнат, ставя ведёрко с рыбой перед женой. Параскева, не говоря ни слова, сразу же принялась мыть и чистить чешую. Рядом с ней на кухне был внук Степан от второго сына. Он помогал Параскеве тем, что отрезал у рыбы голову и бросал голодному коту, который, рыча, тут же её поедал. Степан был старше Ивана, и понимал, что лодка его отца, скорее всего, утонула. С одной стороны, Степан был этому рад, потому что пришёл конец побоям и издевательствам отца над ним и матерью. С другой стороны, ему было жалко отца. Он даже поплакал один раз. Его же мать, казалось, несколько не сожалела о пропащем в море муже.

«Ну что, Стёпка, рыбой будем ужинать сегодня», – похлопал дед внука по плечу.

«Огонь разведи», – толкнула Параскева внука.

«Чего ты, как змея? Всех готова удавить», – одернул её Игнат.

«Всё ты, изверг! Не родиться б тебе вовек на свет белый, так всем было бы лучше», – закричала на мужа Параскева, бросив в него рыбиной.

Стёпка в страхе выбежал из избы и побежал прочь.

«Эх, змеища ты! Жало своё выпустила живых жалить. Что ж ты думаешь, я не страдаю? Мне сердце не выворачивает? Да, я проклинаю себя, что отпустил их тогда одних, что не поплыл вместе с ними в море. Тошно мне, тошно! А с тобой так ещё тошнее! Что ты меня сживаешь с белого света, я и сам жить не хочу! Жил как мог, как меня научили жить, не хотел так жить, а жил! Выживал, а не жил», – заплакал в голос Игнат, сжимая в кулаки свои натруженные руки.

Параскева беззвучно заплакала. Крупные слёзы одна за другой катились по её щекам и капали на грязный кафтан. Ей было жаль этого старика, с которым, как ни крути, прошла вся её жизнь. Хоть она и винила его во всех своих бедах и несчастьях, а всё же вместе с ним пронесла на своих плечах все испытания и тяготы жизни. Ей хотелось сказать ему что-то доброе, но она не могла найти слов. Да и нужны ли слова?

«Прости, Игнат. Из-за своей боли чужой не видно. Прости», – повторяла Параскева.

«Я найду их. Может, их лодку об скалы разбило волной, они сидят и помощи ждут, пока мы тут гадаем. Там ведь в море три скалы, одна подальше другой. По темени и не увидишь, но я их хорошо знаю, как молитвы, которым ты меня учила», – обещал старик, утирая слезы кулаком.

«Молитвы, – улыбнулась Параскева. – Хоть раз-то молился?»

«Я ни разу в море не выходил, не прочитав молитв, что ты меня научила», – ответил Игнат, глядя жене в глаза.

И вновь забрезжила надежда в сердце матери.

Игнат умыл своё лицо и руки.

«Зря только Стёпку напугала», – посетовал он.

«Что его пугать. Не из пугливых. Стёпка мне доверил, что они с мамкой в город уедут, если Клим не вернётся. И пусть едут все вместе, как только Клим найдётся».

«Нет, Параскева, нельзя Клима в город пущать. Ведь совсем там сопьется без при-смотру».

«Ты ж не спился. Чего на него киваешь?»

«Да разве я творил такое? Разве я когда руку на тебя посмел поднять? Пальцем тебе не посмел погрозить! Ты ж взгляни на Степку, ведь постоянно с синяками ходит. Да ладно бы, если за дело, а то ведь по пьяни колотит его Клим. Один раз при мне дело было, думал вышибет душу из Стёпки. Насилу отбил. И не говори ничего поперёк, тебе он – сын, а Катерине твой сын – горькая доля».

«Да, знаю я, знаю. Жалко мне Катерину, и Стёпку жалко, но сын есть сын».

С надеждой в сердце провожала Параскева мужа в море ранним утром.

«Смотри ж, домой засветло плыви. Вот, рыбки с собой возьми, как проголодаешься, то поешь».

«Ладно, ладно», – отмахивался Игнат.

Игнат сел в лодку, Параскева своими руками оттолкнула её, зайдя по пояс в воду.

«Засветло ж плыви назад», – кричала она ему в шуме волн.

Параскева смотрела, как удаляется лодка, пока та совсем не исчезла из виду.

Она опустила ладони в воду и начала просить море, словно какое-то божество: «Верни мне моих мальчиков живыми. Не отнимай у меня их. У меня ведь никого нет, кроме них. Пожалей мою старость, смилуйся! Верни мне моих деток».

Другие рыбаки стали появляться на берегу. Чтобы избежать ненужные разговоры, Параскева быстро ушла.

После обеда она снова пришла на побережья. Напрягая глаза, старуха искала глазами лодку мужа. От постоянно бегущих волн рябило в глазах. Ветер усиливался. Мальчишки рядом ловили крабов

«Ну где же ты? Ну плыви же домой. Ну покажись», – волновалась Параскева, теребя свои руками кафтан.

«Бабка Параскева, это правда, что у тебя сыны в море утонули?» – спросил её маленький и пузатый мальчуган.

Другие мальчишки сразу же строго зацыкали на него, мальчуган пристыжено опустил глаза.

Параскева на миг задумалась, а что если и правда её сыны утонули в море, и она их больше никогда не увидит? Она даже не похоронит их, как подобает. Не будет могил, на которые она сможет приходить и оплакивать своих детей. Ничего не будет, словно и не было никогда на свете её сынов. Только внуки останутся свидетельством, что жили её сыны на земле.

«Смотрите, кто-то плывёт!» – закричал мальчишка, махая руками.

Вдали показалась малюсенькая лодка Игната. Причалив к берегу, он молча привязал лодку. Параскева поняла, что муж никого не нашёл. Она со слезами смотрела на море. Треть надежды в её сердце умерла.

«Завтра поплыву ко второй скале», – сказал ей Игнат, уводя домой под руку. Параскева всё время оборачивалась на море, словно ожидая какого-то чуда.

Следующим утром, провожая мужа, Параскева была молчалива.

«Плыть далеко, вернись на закате. Сиди дома, Параскева, не приходи на берег. Простудишься. Вишь, ветра какие холодные дуют», – напутствовал её Игнат, отчаливая.

Параскева ничего ему не отвечала, с мольбой в глазах и какой-то вымученной улыбкой она помахала Игнату рукой, наблюдая как его лодка уплывает в море. Холодный ветер хлестал по щекам, по которым катились слезы. Слезы матери, кто знает вам счёт?

Войдя в дом, Параскева села у печи и начала чистить картошку.

«Бабушка, мама велела мне варенье из черемухи тебе принести», – сказал Иван, ставя банку на стол.

Параскева посмотрела на внука: «Ваня, побегу к мамке, скажи, чтоб она и другие две твои тётки пришли ко мне к вечеру. Беги, Ваня, скажи им, чтоб непременно пришли».

Все три невестки пожаловали в дом Игната. Параскева поставила самовар, заварила чай, пригласила их за стол.

«Мне надо сказать вам кое-что важное. Авдотья, я совсем тебя не знаю, как-то ты сразу сына нашего отвадила от нашего двора и сыночек ваш никогда у нас не бывает. Прости нас, Авдотья, ежели обидели тебя чем два старика, то не со зла, а от обиды. Нету, Авдотья, больше твоего Пётра. Нету больше моего сына».

«Что ты мелешь, старая!? Совсем обезумела! Живой он! Живой! Придет он, я перекажу ему, как ты его хоронить надумала», – перебила Параскеву невестка, вставая из-за стола.

«Что ты, Авдотья? Негоже такие слова говорить матери мужа», – вступилась Катерина.

«А тебе, как я погляжу, жизнь вечно побитой собаки нравится. Что ж мать твоего мужа не вступится за тебя? Наверное, бьёт он тебя по её указке», – захохотала Авдотья.

«Уходи, Авдотья, уходи сейчас же!» – крикнула Наталья, мать Ивана.

«И уйду! Чем слушать эту полоумную».

Когда Авдотья ушла, Параскева протянула Наталье один золотой.

«Передай это Авдотье на поминки, когда она остынет немного».

Параскева помолчала, глядя в окно на море.

«Ну, а ты, Катерина, что думаешь делать? В город собираешься, али как?»

«В город», – тихо ответила Катерина.

«Что там делать собираешься?»

«В прачки пойду, уже и место себе нашла».

«Ну, Бог, тебе в помощь, Катерина! Клим уже отжил своё, а тебе жить надо, да дитё растить. Не отчаивайся там в городе, если туго придётся. Вот, возьми на первое время. Жить

на что-то надо. Кормильца-то у вас больше нет. Не плачь, Катерина, не плачь», – вздохнула Параскева, протянув Катерине завязанный узелок.

Катерина, плача, взяла узелок и поцеловала руки свекрови.

«Ну, а ты, Наталья, куда податься хочешь?» – обратилась Параскева к последней и любимой снохе.

«Я тут хочу остаться».

«Нет, нет, это нельзя! Увози отсюда Ванюшку, подальше от этого проклятого моря. Нет, нельзя его тут оставить! Слышишь, Наталья, нельзя! Я запрещаю тебе оставаться тут», – с мольбой запричитала Параскева.

«Да куда мне ехать? Некуда. Да и за вами приглядеть кто-то должен, а Ванюшка и так уедет. Он мечтает художником стать, а не рыбаком», – вздохнула Наталья.

«Художником», – тихо повторила Параскева.

Всё сидели молча у остывающего самовара.

«Ну ладно, идите по домам, устала я очень», – сказала Параскева.

Как только снохи ушли, Параскева накинула тёплый кафтан и пошла на побережье. Начиная темнеть. В сумерках Параскева ничего не могла разглядеть на море. Она одиноко стояла и слушала шум бьющихся о берег волн. Первые звёзды начали мерцать в темном небе. Море стало спокойнее. Параскева вглядывалась в темноту, когда выглянула яркая луна, тогда она заметила среди волн одиноко плывущую лодку Игната.

Старик целый день кружил на своей лодке вокруг большой скалы в открытом море, надеясь на чудо, но напрасно. Привязав лодку, старики, молча, отправились домой.

Сидя у стола и потирая свой лоб, Игнат смотрел на свою осунувшуюся жену. Она, казалось, состарилась на десять лет за эти несколько дней.

«Завтра поплыву до третьей скалы. Если там их нет то, тогда всё», – с горечью произнёс он.

«Нет их там. Не плавай так далеко, Игнат. Я не переживу, если и ты навсегда останешься в этом проклятом море. Всех я потеряла, один только ты остался у меня».

«Нет, Параскева, поплыву. Жить спокойно не смогу, если не поплыву. У меня, знаешь, на уме только и вертится, а вдруг они там живые ждут помощи. А я их родной батька, страшась помочить свои старые кости в морской воде, не спас своих детей от смерти. Нет, надо Параскева уж покончить с этим, зная наверняка, что я сделал всё, что от меня зависело».

«Ну, поступай как знаешь. Только домой вернись живым».

«Вернусь, старая, куда денусь. Тридцать лет море меня кормило и берегло в шторма. Вернусь, не сомневайся».

Едва начало светать Игнат уже отчалил от берега. Параскева неподвижно смотрела, как удаляется лодка. Что-то сильно сжало её сердце.

«Игнат, повороти назад! Вернись, Игнат! Нет их больше! Ничем не сможешь им, сам погибнешь! Повороти назад, Игнат! Игнат!» – кричала изо всех сил Параскева силуэту в лодке, беспомощно протягивая руки вперёд.

Но Игнат был далеко и не слышал. Параскева вернулась в свою избу. Она плакала до самого вечера, неподвижно лёжа на лежанке. С наступлением темноты Параскева задремала. Снился ей Игнат молодой, будто скачет он на белой лошади, а у лошади такой хвост густой да длинный волочится по пыльной земле. А следом за ним бежит Параскева и просится на лошади прокатиться, а Игнат смотрит на неё и говорит: «Не могу покатавать тебя на лошади. Ты – живая».

И смотрит так тепло с любовью на Параскеву.

Проснулась Параскева ранним утром и скорей к морю. Тревожно на душе, беспокойно. А море тихое, тихое. Ветра нет. Солнце светит ярко. Но не было тревоги в сердце старухи. Наоборот, какой-то необъяснимый покой наступил в душе.

«Должен был уже вернуться. Но сказал же, что далеко в море третья скала. Может, он там заночевать остался вместе с сынами», – бормотала Параскева, ходя по кромке берега.

Лучик надежды засиял в сердце матери. Появились у Параскевы уверенность и предчувствие, что всё будет хорошо. Вернётся домой к вечеру Игнат со спасёнными сынами. Она закрыла глаза и представляла себе, как каждого из них обнимет и поцелует, прижав к себе. И никакого другого счастья на земле ей не нужно, только увидеть своих детей живыми. От порыва внутреннего восторга, что всё плохое закончилось, Параскева даже захлопала в ладоши. Быстро оглянувшись вокруг, чтобы никто не видел, она похлопала ещё.

«Ой, что ж ты, старая, стоишь!? Надо же ужин готовить. Ведь голодными мои рыбаки придут», – сказала сама себе старуха и быстрыми шагами направилась в своей избе.

Целый день Параскева мела полы в доме, варила большой чан щей, чтобы к вечеру всё было готово. На закате она пошла на берег встречать лодку мужа. Море было до того спокойным, что казалось неподвижным. Последние лучи заходящего солнца серебрили гладь воды. Лодка всё не появлялась. Параскева села на тёплый песок. Всё тревожней становилось на душе. Параскева ждала до самой темноты. Ветер стал усиливаться. Вдалеке загредел гром. Чёрные тучи начали затягивать небо. Ни с чем вернулась Параскева в пустую избу.

«Может их гроза в пути задержала. Вон, ливень какой собирается. Может, где шторм пережидают», – гадала Параскева, сидя в темной комнате.

Три дня подряд ходила Параскева на берег моря встречать лодку Игната. Уже не было ни слёз, ни радости, ни надежд, ни ожидания. Было какое-то непонятное онемение чувств и эмоций. Прошлое ей казалось каким-то бессмысленным сном. И муж нелюбимый, которого терпела. И дети, которые разлетелись, как белые зонтики одуванчика.

«Ничего не осталось. Ничего. Всё прошло. Я потерплю ещё, сколько уж вытерпела на своём веку. Терпеть я умею. Потерплю ещё», – шептала Параскева.

Переменилась она. Скрючилась, сгорбилась и такая тихая стала, что слова из неё не вытянешь. Катерина со Степкой уехала в город. И более от них Параскева весточки не получала. Авдотья ходила дважды замуж, но всё как-то неудачно. Третий муж по пьяни заколол её топором во время ссоры. Сын Авдотьи помер от тифа в десять лет.

Наталья забрала Параскеву жить в свой дом, который стоял далеко от моря, где прибоя не было слышно. Замуж Наталья больше не вышла. Жалко ей было эту истерзанную тяжелой жизнью старуху, для которой море было напоминанием о смерти мужа и сынов. Из старой избы Параскевы предприимчивая Наталья сделала дом отдыха на берегу моря. Дом стоял на удачном месте с красивым видом, поэтому постояльцы не заставили себя долго ждать. Иван подросток и стал успешно обучаться мастерству художника.

Перед Рождеством, зимним вечером Наталья распечатала письмо, полученное от сына. Он прислал красивую открыточку и записку, что приедет навестить мать и бабушку.

«Ванюша едет!» – радостно поделилась она с Параскевой.

Параскева не помнила, кто такой Ванюша. У неё медленно прогрессировало старческое слабоумие. Параскева постепенно теряла свою память и воспоминания. Она совершенно забыла про Игната, про своих детей. Параскева жила в своём собственном мире, не вникая в происходящее вокруг. Иногда, у неё бывали вспышки в памяти, и она начинала звать Наталью на берег встречать лодку Игната. Наталья тут же безропотно брала её под руку и вела к морю. Но через пять минут Параскева спрашивала куда и зачем они идут, и Наталья вела выжившую из ума свекровь обратно домой.

Иван приехал поздно вечером. Войдя в дом, он расцеловал свою матушку и поспешил к бабушке, которая его не узнавала. Сперва она смотрела отсутствующим взглядом куда-то в одну точку, а потом на Ивана, который едва сдерживая слезы жалости, держал её за обе руки.

«Бабушка, бабушка с Рождеством», – шептал Иван, сжимая её руки.

«Она совсем тебя не узнаёт. Оставь её, не тревожь», – похлопала мать сына по плечу.

«Не может быть, чтобы она всё забыла! Как так человек может потерять всю свою жизнь вместе с памятью? Что же это? Выходит память и есть та нитка, что связывает все страницы нашей жизни, – задавался вопросом Иван, глядя в пустые глаза Параскевы. – Бабушка, я привёз тебе подарок к Рождеству».

Иван положил на колени старухи картину, которую написал специально для своей матери. Но, увидев в каком состоянии находится Параскева, решил отдать картину ей. На небольшом холсте был изображен старик у моря. В жёлтой шляпе, он с улыбкой смотрел с картины на зрителя. За его спиной плыли два парусника навстречу друг другу. Взгляд Параскевы застыл на картине. Она вглядывалась в картину, словно что-то пытаясь вспомнить. Закрывала на миг глаза и снова изучала изображение. В туманном взгляде начала появляться ясность, и показались слёзы. Она прижала картину к груди.

«Игнат», – едва слышно сорвалось с губ Параскевы.

Следующим утром, едва яркий солнечный свет заиграл искрами на морозных узорах оконных стёкол, послышался голос Параскевы: «Наталья! Наталья!»

Наталья вбежала в комнату и обомлела. Случилось рождественское чудо. Иначе не скажешь. Свекровь сидела и чесала гребнем свои жидкие волосёнки.

«Какой день сегодня, Наталья?»

«Рождество Христово сегодня», – растерянно ответила сноха, не зная, что и думать.

«Какой сон чудной я ночью видела, Наталья. Будто Игнат на лошади за мной ночью приехал, а лошадь нетерпеливая такая, ржёт, головой машет, всё бьёт копытом и топчется на месте. Никак помирать мне скоро», – задумчиво делилась Параскева.

Наталья не знала, что сказать в ответ, боясь, что от одного её неверного слова, это состояние ясности ума Параскевы может исчезнуть.

«А к нам Ваня приехал вчера», – сказала она.

«Ваня? Большой он стал, наверное. Где же он?», – встрепелась Параскева.

«Я сейчас. Позову его. Ваня! Ваня!», – бросилась Наталья в комнату, где ночевал сын. Но сына там не было. Ранним утром он ушёл к морю, чтобы сделать несколько зарисовок зимнего моря.

«Жалость какая», – посетовала Параскева, узнав, что внука нет дома.

«Вы отдыхайте, отдыхайте пока. Иван скоро вернётся. Я пока кутью приготовлю», – хлопотала Наталья, поправляя подушку Параскевы.

Наталья хлопотала у печи, когда Иван вошёл в дом.

«Ну куда ж тебя понесло с утра пораньше? Бабушка-то пришла в ясный ум и тебя хотела видеть. Только бы не забылась опять».

Иван поспешил к бабушке. Когда он вошёл в комнату, она мирно лежала на кровати, а на её коленях лежала его картина «Старик у моря». Параскева была мертва.

Фома Ильич и маг

Фома Ильич проснулся с первыми петухами. Какая душная ночь. Первым делом он уселся на кровати и принялся тереть свои пятки друг о друга. Какой-то заезжий шарлатан посоветовал ему проделывать такую процедуру каждый день, уверяя, что это продлит молодость и здоровье, а стареющему Фоме очень уж хотелось омолодиться.

«Опять пятки чешешь, лучше бы помолился.» – пробубнила его сонная супруга.

«Да не чешу, а делаю пяточные растирания.» – возразил Фома. «Сколько не три свои невымытые пятки, а помрешь как все. Может даже раньше меня.»

Фома Ильич ничего не ответил своей благоверной, но про себя наверное сказал ей всё, что о ней думает. Он был из той породы мужиков, считающих, что с бабой ввязываться в диспуты одна морока и расстройство кишечника на две недели. Баба, она и есть баба. Что с неё взять?

Фома Ильич вышел в сад и продолжил заниматься своими пятками, когда внезапно в курятнике курицы подняли такой переполох, что пришлось бежать туда, сверкая этими самыми пятками. Оказалось поросята влезли в куриچه имение и стали там безобразничать, что вовсе не понравилось наседкам. В то время, как петух мирно сидел на своём насесте и, наверно, размышлял о чём – то великом.

«Груша! Груша! Да что ж это такое? Поросята-то без надзору. Лезут куда вздумается, а я то думаю отчего куры плохо несутся.»

Молодая девка, появившаяся внезапно, подхватила поросят в свой подол и так же внезапно исчезла. Снова мир и покой в имении старого Фомы.

«Ах, хорошо жить на белом свете.» – протяжно произнес он. Обедать было решено в саду. Под большой черемухой, распустившей свой белые цветы, стоял большой стол с плетёнными креслами. Было воскресенье, а это значит, что отобедать пожалуйет дьячок местной церкви, дальний родственник супруги Фомы Ильича. Любил Фома эти обеды плавно переходившие в ужин с задушевыми беседами обо всем известном и неизвестном в мире. Дьячок Демьян был человек очень спокойный и степенный. Варвара Соломоновна, являвшаяся супругой Фомы, с наслаждением слушала его разговоры о религии, душе и загробном мире. Фома, будучи человеком материальным, не очень в это верил, считая всё это забавами бездельников, в чем его поддерживал сын Глеб, веривший в технический прогресс. Помолившись, присутствующие начали вкушать то, что Бог послал. «Жутко ноги болят. Не могла спать всю ночь. К утру едва задремала, а уже и петухи запели. Демьянушка, каким святым молиться чтобы ноги не болели? Ох, страдания мои тяжкие», – причитала Варвара Соломоновна.

«Маменька, вы уже в том возрасте, когда никакие святые не помогут», – возразил Глеб.

«Я бы, голубушка, посоветовал тебе заняться своими пятками, мне очень помогает. Только этим и спасаюсь. Голова ли болит, простуда ли», – заговорил Фома.

«Эх, ничего вы не понимаете тёмные люди. Скоро изобретут такое, что новые ноги можно будет пришивать вместо больных!» – воскликнул Глеб.

«Да Бог с тобой! Никогда такого не будет», – возразил Демьян. «Отчего это не будет? Скоро такие вещи появятся, что наше слабое воображение и представить себе не может, даже в пьяном бреду», – настаивал Глеб.

«А я такое слышал, что скоро люди как птицы летать будут в небе. И такие машины изобретут, чтобы в полях пахать и сеять. Не то что на конях, вон у Емельяна лошадь прямо посреди пашни сдохла, а машины без усталости будут пахать и пахать», – поддержал Фома разговор.

«Ну всё вы о тленном, а о душе когда задумаетесь? Время-то лукавая вещь. Заснул и не проснулся. И как тебе твои машины и пришитые ноги помогут на том свете? Нет, братцы, никак не помогут», – возразил Демьян.

«А я, положим, не верю что существует какой-то тот свет. Где он? Попы его сами и придумали чтоб людям головы морочить, и в страхе держать. Существует только то, что вижу своими глазами и то, что могу купить да продать», – произнёс Глеб.

«Ты, Глеб, как дитя, вышедшее из утробы матери, да после отрицающее что эта самая утроба существует. Спасай, Бог, что творится в умах ныне живущих. Куда взгляд ни кинь, кругом одно сплошное неверие, а внутри такая пустота, что ничем её не наполнить. Ничем кроме Бога», – ответил Демьян.

«Ох, как в ногах ноет. Мочи нет. Покаяться мне надо, может отпустит», – пожаловалась Варвара Соломоновна.

«Маменька, это к дождю в ногах ноет. Дождик пройдёт и перестанет ныть, и каяться не придётся. И как попам только охота слушал кто в чём кается. Будто сами они ангелы безгрешные грехи других отпускать? Вон поп-то наш на исповеди девок трогает где не положено, а они дуры хвалятся, что особую благодать получили. А в церквях? Почто Бога святыми заменили? Муж пьёт беспробудно поставь свечку этому угоднику, плохой удай поставь тому. Уже и непонятно кому люди молятся, кого почитают. Разве в Библии сказано, что Дева Мария сама себе молилась? Я ещё с церковно – приходской школы засомневался в поповских сказочках», – продолжал Глеб.

Демьян ничего не возразил. Порой подобные сомнения закрадывались и в его душу, но что ему делать, будучи простеньким дьячком, не умеющим ни писать, ни читать, повторяя то, что сам слышал от попов. Выросший в приюте при монастыре, он и не знал что можно думать по-другому.

«К тому же, если вам будет интересно, то на следующей неделе к нам прибудет собственной персоной доктор магии Ваншницельпук и я, как человек новых идей великого будущего, пригласил его проконсультировать мамашины болезни и просветить всех желающих на предмет магии. На сём позвольте откланяться», – заключил Глеб, вставая из-за стола.

«Илья Фомич, – обратился к нему Демьян после недолгого молчания, – я опасуюсь подобного рода идеи погубят вашего сына в недалеком будущем ещё до того, как научиться пришивать здоровые ноги вместо больных. Мне как человеку церковной принадлежности не пристало посещать бесовские собрания, но в строжайшей секретности я прибуду лицезреть этого великого доктора шарлатана магии. Однако, настойчиво бы вас просил не допустить такого богохульства в вашем доме».

«Я бы и не допустил, если бы не был человеком свободных взглядов. Если уж он шарлатаном окажется так и нет в том никакой беды, а коли человек серьезно относящийся к своему делу, с большими способностями?»

«Ну да Бог с вами. Коли вы уж так решили...» – развёл руками Демьян.

«Ой, ну это мне не подходит совершенно. Это меня полнит, это делает цвет моего лица нездоровым», – сетовала Варвара Соломоновна, роясь в своих изъеденных молью чепцах.

«Варварушка, да ведь не министр же к нам едет», – успокаивал её супруг.

«Маменька, сейчас чепцы никто не носит. Так что бросьте это старое тряпье и купите себе шляпу», – объявил Глеб.

«Видел я в городе этих важных дам с клумбами на головах. По мне так эти шляпы как гнезда, осталось только птицам в них поселиться», – поделился своим наблюдением Фома Ильич.

«Зачем мне гнездо на голове? Мне бы просто голову покрыть. Апостол Павел заповедовал носить головной убор», – задумчиво вымолвила Варвара Соломоновна.

«Ну вот начитались своих книжек и бредёте как овцы, а куда и зачем сами не знаете. Скоро вообще никто ничего на голове носить не будет. Упразднят и ваши чепцы, и шляпы! И платья эти ваши длинные обрежут тоже! Будет такая свобода, что хочешь голым по улицам ходи! И никто ничего тебе не скажет», – захохотал Глеб. «Ну это ты лишнее уже говоришь».

Зачем голым по улицам ходить? Да и кто пойдёт срамится? Скажешь тоже. Голым по улице.» – усмехнулся Фома Ильич.

«Будут, будут срамиться! Такое будет, что нам и не представить! Ведь человек – существо очень безнравственное по своей сути. Я бы сказал, не далеко ушедшее в своём моральном поведении от свиньи. Если учесть общую тенденцию от общественного к индивидуальному, то в скором времени каждый холоп объявит себя баринком и начнёт творит всё, что забредёт в его пустую голову», – возразил Глеб. «От твоих разговоров у меня бессонница всякий раз. Что ж уж совсем и Бога бояться перестанут?» – спросила Варвара Соломоновна, выпустив из рук свои чепцы.

«Ну какой Бог, маменька? В него уже сейчас большинство людей не веруют, а в будущем и вовсе религия станет просто доходным делом где пастырь будет выгодно стричь своих пасомых овец, а те будут радостно бляеть в своём неведении. А те которые не признают таких пастырей найдут себе богов в чем-нибудь другом».

«Страшное время это будет. Нет, гимназия – дело очень небезопасное для молодых умов. И чему их там учат? Нет, в моё время такого не было. Может и прав Демьянушка. Так, а что делать? Не в монастырь же его силком везти. Ох, голова моя седая, а покоя всё нет. Может и впрямь надо начать растирать пятки как Фома Ильич», – сидела и думала про себя Варвара Соломоновна.

И вот наступил тот долгожданный день, когда все маски будут сброшены и истина объявит себя во всей красе. В доме Фомы Ильича всё было готово для торжественного приёма таинственного мага из заграницы. Варвара Соломоновна всё же приобрела себе большую шляпу, украшенную гусиной головой, для встречи с таким великим человеком современности. Дворовые девки хохотали втихаря над этой шляпой с гусиной головой, но самой барыне выказывали не иначе как восхищение её отменным вкусом и чувством красоты. Фома Ильич, находясь в нервном напряжении от предстоящего визита, истёр свои пятки до мозолей и теперича лежал на кровати попеременно прикладывая к пяткам то луковую кашицу, то капустные листья для облегчения своих страданий. Один Глеб был серьёзен и взволнован. Словно ему предстояло сдать самый главный экзамен в его жизни. Чтобы поприсутствовать на этой встрече с магом, Демьян позаимствовал у Фомы Ильича зелёный сюртук и серебрянные запонки. Перед тем, как покинуть свой дом он надел на себя все кресты и положил сто поклонов перед иконами для пущей защиты от сил тьмы. Около девятого часа собаки в имении стали беспричинно лаять и ничем их было не унять. Варвара Соломоновна жаловалась, что этот лай способен вывести из себя даже покойника, а поскольку она проявила ангельское терпение, то это зачтётся ей на Страшном суде. Демьян ерзал в кресле и тёр свои вспотевшие ладони, говоря что это не к добру. Дескать собаки чувят приближение зла и оповещают об этом. Глеб же просил дьячка оставить свои, папахивающие инквизицией, высказывания до следующей церковной службы, постоянно поглядывая из большого окна дома на дорогу. Фома Ильич сидел с невозмутимым спокойствием разглядывая свои пятки. С наступлением темноты жара летнего дня стала спадать, стал усиливаться ветер. В воздухе запахло дождём.

«Приехал! Приехал!» – воскликнул Глеб и в нетерпении бросился к двери.

Загадочная личность Ваншницельпук прибыл в имение Фомы Ильича. Ничего особо примечательного в нем не было. Сросшиеся чёрные брови пучком, щеголеватая борода, узкие губы, орлиный нос и карие глаза, которые неспешно скользили по окружающему миру с ленцой и насмешкой. Доктор магии Ваншницельпук величаво вплыл в большую гостиную Фомы Ильича.

«Господа, позвольте представить. Генрюэль Ваншницельпук де Веспанидор. Всем известный как доктор магии Ваншницельпук. Моя мамаша Варвара Соломоновна, папаша Фома Ильич и дальний родственник Демьян», – представил всех Глеб.

«О, очень рады вам- с, очень ждали- с», – быстро произнёс Демьян и, с этими словами подойдя к доктору магии, поцеловал его руку. Все присутствующие прямо ахнули удивленно от такого неожиданного поступка.

«Вот чудеса!» – выдохнул Фома Ильич.

«Чудес вы ещё не видали. А в целом вопрос о чудесах довольно спорный. Что есть чудо, а что нет?» – произнёс Ваншницельпук, снимая большую, чёрную шляпу.

Он обратил внимание на большую, нелепую шляпу с гусиной головой и подумал: «До чего ж нелеп человек в своих попытках казаться, а не быть».

«Чудес не бывает! Есть технический прогресс!» – воскликнул Глеб.

«На вашем месте, молодой человек, я не был бы столь уверен в возможностях технического прогресса, особенно когда прогрессирует одно болванство», – строго возразил ему доктор магии.

«А я вот в чудеса верю!» – подхватила Варвара Соломоновна, – «Когда Глебушке было два года от роду, заболел он так сильно, сильнейший понос приключился с лихорадкой. Уездный доктор сказал, что безнадежный случай и посоветовал дешевого гробовщика. Я же поехала по всем ближайшим церквям и храмам заказывать молебны за здоровье. И что вы думаете? Через три дня отпустило! И по сей день живёхонек. Ой, да что же это мы?! Ведь стол давно накрыт. Должно быть гость проголодался и устал с дороги. А в саду так хорошо, душа не нарадуется!»

Все молча проследовали в сад. Однако, Демьян по дороге умудрился запнуться и угодить лицом прямо в куст молодой крапивы. Он вскрикнул от боли: «Вот Божья кара!»

«За что же Бог вас наказал?» – поинтересовался Ваншницельпук. «Да откуда ж мне знать».

«Раз не знаете, зачем говорите что Бог наказал? Может вы сами себя наказали, а ищите на кого бы свалить ответственность за собственное ротозейство», – заключил гость.

Демьян прямо растерялся от такого свободомыслия и ничего не мог возразить.

«Таков уж человек. Всегда ищет крайнего и винит кого ни попадя во всех своих несчастьях», – вставил Глеб.

Стемнело и в сад принесли большие восковые свечи на свинцовых ножках. В свете свечей лицо Ваншницельпука напоминало маску божества какого-нибудь африканского племени о существовании которого никому не известно. На ужин был запечённый целиком, жирный гусь.

«Откуда же вы к нам пожаловали, позвольте спросить», – поинтересовался Фома Ильич.

«Очень издалека, можно сказать, что я из будущего», – загадочно ответил Ваншницельпук.

Такая формулировка была крайне непонятна Фоме Ильичу, но чтобы не показаться человеком неглубокого ума, он не стали уточнять и решил, что гость прибыл из Пруссии. Глеб нервно искал в своей голове тему для разговора в которой он мог сверкнуть всеми гранями своего ума, но никак не мог отыскать. Демьян читал про себя все молитвы, что помнил и не смел взглянуть на гостя. Варвара Соломоновна снова страдала со своими ногами и думала как бы поскорее лечь спать. Гость же разглядывал лицо каждого, словно читая некое внутреннее содержимое человека.

«Как вам здесь люди кажутся?» – спросила Варвара Соломоновна, теребя свою шляпу, и явно напрашиваясь на щедрый комплимент. Надо сказать, что шляпа была контужена щенком Тимошкой, который о нерасторопности Палашки проник в опочивальню Варвары Соломоновны где и погрыз гусиную голову, украшавшую шляпу. Однако, подслеповатая Варвара Соломоновна этого не заметила.

«Люди здесь простые и честные, но слабые внутри. Как колеса телеги в воздухе, которые вертятся без перестану, а телегу так с места и не сдвинули», – начал разговор Ваншницельпук.

«Ну так значит той телеге и не надо никуда. На всё воля Божья», – молвил Демьян.

Ваншницельпук внимательно посмотрел Демьяну в глаза, от чего тот внутри съежился.

«Говоря о Божьей воле как единственном объяснении всего происходящего в этом мире, позвольте вам заметить, что ваш церковный батюшка – личность весьма известная в преисподней за свои проделки. Да далеко ходить не надо, вот недавно ваш поп загорланил о том, что у него крест позолоченный пропал, и весь приход организовал поиска коварного вора. А сам тот крест в карты проиграл, однако, виноватым в пропаже креста оказался почему-то немой кузнец Налим, получивший двадцать плетей, сам не зная за что. Так что же это по вашему тоже Божья воля или большая человеческая несправедливость?» – продолжал Ваншницельпук.

«Это Божье попущение Налиму за грехи», – упорствовал Демьян, ушам своим не веря такой информации обо всем любимом батюшке прихода.

«Вот погодите и сами окажитесь жертвой попущения за воровство чаши для причащения», – усмехнулся маг.

«Это правильно говорите. Этот поп известный плут! И как люди этого не видят?» – заговорил Глеб.

«Люди видят то, что хотят видеть. Называть неправду всех неправд истиной – личный выбор каждого. Сознательно быть слепым не запрещено», – подвёл итог гость.

Варвара Соломоновна сникла. Демьян стал громко сморкаться. «Однако, будет дождь», – заметил Фома Ильич.

«То и ноют опять мои ноги к дождю», – воодушевилась его супруга.

«Нет, не от того ноют ваши ноги, любезнейшая. Ходили в молодости темными вечерами куда не следовало ходить, вот и болят ваши ножки теперь. Вот уж поистине Божья кара».

Варвара Соломона вытаращила на него глаза, будто её ошпарили кипятком. Фома Ильич, взглянув на бледную супругу, спросил гостя. «Куда же это так опасно ходить, что потом ноги болят так, что хоть на стену лезь?»

«Что ж, скажу вам секрет. Отчего не сказать. К мельнику на мельницу».

Фома Ильич побагровел. Его давние подозрения получили новое дыхание.

«Так значит правду о тебе судачили! И все твои рассказы – ложь!» – закричал он, бросив ложку на стол.

Оторопевший Демьян хлопал недоуменно глазами, наблюдая как рушится многолетняя, успешная семейная конспирация. Фома Ильич начал пристально всматриваться в Глеба. Варвара Соломоновна застыла на мгновение, а потом стала громко и внятно отрицать любые контакты с мельником. Когда до Глеба дошло, что он вероятный сын мельника, обхвативши голову руками, он тихо застонал, а потом воскликнул: «Хотя бы я и сын мельника, но у меня есть собственное достоинство! И я терять его не намерен!»

С этими словами он быстро покинул стол. Один Ваншницельпук оставался спокоен, как статуя. Он сидел с прямой спиной, сложив руки на коленях, глядя куда-то в одну точку перед собой.

«Ну что, вы, теперь молчите? Сколько случилось по вашей милости!» – вскричал Демьян.

«Я – дерево.» – промолвил маг.

Все трое уставились на Ваншницельпука. Какую штуку он выкинет ещё, тот сидел неподвижно и ни на что не реагировал.

«Ну это уж совсем ни в какие ворота... Я, пожалуй, пойду отдыхать.» – сообщила Варвара Соломоновна. Как только она покинула не дружное застолье, Ваншницельпук снова стал человеком. «Это хорошее упражнение – быть деревом, вместо того чтобы участвовать в бесцеремонных склоках. Сохраняет много душевных сил. Пока вы тут опустошали друг друга по непонятной мне причине, я предпочёл не участвовать в этом ненужном танце языков. Вам бы тоже не помешало быть деревом иногда».

Фома Ильич громко вздохнул, потом зевнул.

«А почему бы вам не показать нам колдовство какое-нибудь? В конце концов вы ведь доктор магии», – спросил он.

«Свят, свят! Ты что, Ильич? Грех-то какой! Разве пристало подобным заниматься?» – перекрестился Демьян.

«Стар мир и никогда не измениться. Человеку лишь бы требуху свою набить да зрелищ ему, а большего и не надо. В вопросах магии я больше по части теории, практика слишком опасна для моей нервной системы. Но поверьте, если законы материального мира можно и так, и сяк изменить, то законы духовного мира неизменны и работают всегда, и против них вся эта магия, что жужжание мухи против грома. Вижу, что вам это ещё не постичь, но пройдёт время и люди начнут понимать кое-что за пределами видимого. А пока все ослеплены грандиозными, но пустыми обещаниями технического прогресса и власти человека над природой. Знали бы вы, что оттуда откуда ожидаете великие новшества, придёт только большая погибель. А я это знаю. И всякое следующее поколение будет вдвое хуже предыдущего. Бояться следует тех времён, а вы их ждёте и зовёте». «Вот чудно вы говорите! Однако, мой сын мой или мельника?» – спросил Фома Ильич.

«Положение мужчины таково, что проверить отцовство нельзя. Ему приходится верить на слово, но придут времена, когда это можно будет доказать. Есть у вас единственный сын. От девки Малашки. Славный детина», – ответил гость.

Фома Ильич вспомнил дворовую девку Малашку, которую продали другому помещику, вспомнил как нехорошо поступал в молодости и стало ему тошно. Тошно от своих поступков. Демьян хотел было встать, но словно прилип к креслу. Не по себе ему было от этого Ваншницельпука, который раскрывал людские секреты на обозрение другим. Словно читая его мысли Ваншницельпук сказал ему: «Ваши проделки – ваше личное дело, вы и так наказаны ни семьи, ни детей. И нечего ждать вам. Так и помрете у алтаря, отмаливая свои грехи. Всё же перестаньте тайно таскать вино для причастия. Как-то это негоже в вашем возрасте».

Демьян потупил взор.

«Великое это благо для самого человека, что люди не способны читать мысли друг друга. Великое благо!» – заключил Ваншницельпук. «Ну а ваша история какова? Не ангел же вы безгрешный, что так запросто разоблачаете других», – осерчал Фома Ильич.

«Я – большой грешник, но раскаявшийся. Я прихожу туда, где меня ждут. Я прихожу туда, где меня готовы услышать. Коли сам глух, так не значит, что мир безмолвен».

С этими словами Ваншницельпук поднялся с места, надел свою шляпу и исчез. Растворился в один миг.

Фома Ильич открыл глаза. Он лежал на своей кровати, рядом сидела взволнованная Варвара Соломоновна. Демьян сидел в углу и читал Псалтирь.

«Пришёл в себя! Пришел в себя!» – радостно повторяла супруга. Демьян воздал хвалу всем святым. Фома Ильич, ничего не понимая, приподнялся и сел на край кровати.

«Ох, батюшка, и перепугал ты нас! Думала уже и не оправиться. Заказала молебны во всех храмах. Слава Богу!» – затараторила Варвара Соломоновна. Фома Ильич посмотрел на супругу, на Демьяна. «А где маг? Как его там. Ну тот, которого звали сыном, который не мой сын», – спросил он.

Варвара Соломоновна непонимающе посмотрела на мужа, потом на Демьяна.

«Никак горячка опять начинается?» – засомневалась она. Демьян поспешил на помощь родственнику.

«Фома Ильич, любезный друг, ты что совсем ничего не помнишь? Маг этот оказался шарлатан, только в карты тебя обыграл и увёз тысячу рублей, а у тебя горячка началась. И слава Богу! А то бы ты и имение проиграл! Так, брат, тебя понесло от вина, которое этот шарлатан привёз тебе. Мы его кое-как выпроводили, а ты с того вечера семь дней в бреду был. Варвара Соломоновна ночей не спала, всё молилась».

Фома Ильич почесал лысеющий затылок. Он совершенно ничего этого не помнил.

«А мельник как же?» – задал он вопрос.

«Какой мельник?» – удивился Демьян.

«Тот к которому Варвара ходила по молодости, потому теперь у неё ноги болят», – проговорил слабым голосом Фома Ильич.

«Да Бог с тобой! Какой мельник?! Демьян, да что ж это такое с ним? Ошалел он? Пройдёт это или так и останется?» – запричитала Варвара Соломоновна, чуть не плача.

Демьян уставился на Фому Ильича, ничего не говоря.

«А может он одержим? Злой дух в него вселился», – предположил он.

Варвара Соломоновна стала жаловаться на свою злую судьбу, а Демьян поспешил за приходским батюшкой. Фома Ильич сидел на кровати с потерянным видом. Толи сон то был, толи явь?

Приходской поп не замедлил явиться собственной персоной в дом Фомы Ильича. Попрошив оставить их наедине и перекрестив все углы, он сел напротив предполагаемого одержимого, открыл свою книжицу и начал вычитывать особые молитвы. Фома Ильич, не особо любивший попов, так как считал их бездельниками особого рода, терпеливо сносил гундосое поповское завывание. Время от времени поп торжествующе спрашивал: «Ну что? Жжёт тебя моя молитва, да?»

Фома Ильич, тяжело вздыхая, только качал из стороны в сторону головой, ожидая когда вся эта эпопея с изгнанием из него беса закончится. Через полчаса поп, утомившись от усердного вычитывание, начал позёвывать и клевать носом и в конце концов уснул. Фома Ильич облегченно вздохнул и направился в сад, накинув на себя халат. Увидев его издалека, Демьян воскликнул: «А где же батюшка?»

«Спит», – спокойно отвечал ему Фома Ильич.

«Как спит? Где?» – изумился Демьян.

«Там же, где вы его оставили», – вздохнул Фома Ильич.

Демьян побежал проверить что приключилось с батюшкой. Фома Ильич сел на стул и все думал, думал о том, что же за история с магом была на самом деле.

Анька Блинецова

Тёплый солнечный день распростер свои объятия приезжим и жителям города Новосибирска. Чистое небо без единого облака голубым глазами наблюдало свысока на суетную, городскую жизнь. Тёплый ветер легкими порывами гонял пыль по проезжим дорогам и тропинкам зелёных парков. Автобусы и машины, троллейбусы и трамваи без остановки следовали своими маршрутами, везя своих пассажиров в нужное место. Из машин с открытыми окнами доносилась громкая музыка. Вечное хаотичное движение и ни минуты тишины.

В квартире номер четырнадцать на третьем этаже микрорайона Западный у открытого окна с синими шторами сидела и скучала Анька Блинецова. В её маленькой комнате стоял старый, скрипучий диван, круглый деревянный стол с компьютером, стул и шкаф, в котором в беспорядке лежали Анькины вещи. На подоконнике стоял зелёный старый телефон. На стенах висели две полки с учебниками и тетрадями, покрытые небольшим слоем пыли до нового учебного года. Анька закончила десятый класс школы, и предстоящее лето она воспринимала, как последнее время беззаботности. Родители повторяли ей, что после одиннадцатого класса для неё начинается взрослая жизнь.

Косые солнечные лучи только на рассвете прикасались к стенам комнаты, которая в остальное время дня оставалась в тени. Анька наблюдала, как в парке лениво расхаживали пара старушек со своими кошками и собачками на поводках. Часто она поднимала глаза к небу, желая увидеть хоть-какойнибудь признак дождя, который бы освежил пыльный, городской воздух.

– Аня, закрой за мной дверь, – послышался из-за дверей голос матери.

– Ты куда?

– На базар съезжу. Лука надо купить.

– Подожди отца с работы. Вместе поехали бы.

– Как же, разбежался он! Жрать только любит, а по базару ходить нет. Ты не хочешь развеяться со мной?

– Нет, я звонка важного жду.

– От министра?

– От Наташки.

– Ну, правильно, мать только обстирывать вас и варить вам должна. Никакой помощи, – ворчала женщина, выходя за двери.

Любовь Петровна была женщиной нервного характера, но очень доброжелательного. Домашние не обращали внимания, когда она начинала ворчать. Для неё это было делом привычки, от которой она не отказалась бы, даже если бы все вокруг стали именно такими, как она того хотела.

Анька, молча, щелкнула замком двери и пошла в кухню проверить кастрюлю с котлетами. Но кастрюля была пуста. Отец Аньки Анатолий Лукьянович умял все котлеты с чаем рано утром, собираясь на работу. Анька со вздохом поставила кастрюлю в раковину и принялась её старательно мыть.

Родители Аньки оба работали инженерами на одном и том же машиностроительном заводе, только в разных отделах. По сути они никогда не разлучались и жизни друг без друга не представляли.

Анатолий Лукьянович был из бедной деревенской семьи из тринадцати человек. С малолетства ему твердила мать, что он должен хорошо закончить школу и выучиться в институте, что бы не крутить в совхозе коровам хвосты. Толик серьёзно воспринял наставление матери, и в шестнадцать лет с красным дипломом закончил школу. Поступил он на инженера без трудностей и на первой же лекции заметил сероглазую однокурсницу Любу с маленьким

аккуратным ротиком, который ему немедленно захотелось поцеловать. Люба была городской девчонкой с пепельными, кудрявыми волосами до плеч. Она следовала каждой букве комсомольских заветов, веря, что живёт в самой лучшей стране мира. Толя пытался было ухаживать за Любой, но безуспешно. Ей не нравились ни его глубоко посаженные чёрные глаза под густыми, «брежневскими» бровями, ни его большой нос, ни его замкнутость. Хотя в случае, если Любе нужна была помощь по какому-то предмету, Толя терпеливо ей объяснял все формулы и решал ей задачи. На последнем курсе Толя пригласил Любу посмотреть на завод, который уже пригласил его к себе работать по окончании института. Надев красные каски безопасности, они, как два туриста разгуливали по заводу, пока Толя не решил впечатлить даму сердца поездкой на лифте. Они начали подниматься всё выше и выше на открытом строительном лифте. И тут Толя решил, что пора расставить все точки в их дружеских отношениях.

«Любка, выходи за меня замуж! Если не выйдешь, ей Б огу, я сброшусь сейчас вниз. Нет, лучше я сброшу тебя вниз! Ну так выйдешь?» – твёрдым и громким голосом объявил он, остановив лифт на приличной высоте.

Любка, раскрыв рот, уставилась на Толю, а потом хрипловатым голосом переспросила: «Что ты сказал?»

Решительность Толи только усилилась: «Замуж тебя зову! Ты что оглохла? Замуж за меня выходи!»

Люба всегда считала Толю нерешительным тюфяком, который и мухи с собственного носа не прогонит, а будет ждать, пока та сама улетит. И вот тебе раз – он замуж ей предлагает.

– А ты что меня любишь? – спросила она.

– Люблю. Что я, по твоему, тебе курсовые за спасибо ночами писал?

– А ты не пьян, случайно?

– Любка, кончай от ответа увиливать! Я ведь не шучу. Да или нет?

– Ну ладно, выйду, – ответила она, поглядев с высоты вниз.

– Ты серьёзно?

– А ты серьёзно?

– Я очень серьёзно.

– Ну и я тоже.

– А ты не передумаешь?

– Это зависит от того, как вести себя будешь.

– Ну нет! Давай обещание святому Николаю, что выйдешь за меня.

– Какому ещё Николаю? Да ты что?

– Давай обещай. Сброшу вниз, Любка. Мне без тебя жизни нет всё равно. Повторяй. Обещаю тебе, святой Николай, что выйду замуж за Толю и не передумаю.

– Ну обещаю, обещаю. Хватит уже цирк устраивать. Что мы тут до ночи на высоте стоять будем? – рассердилась она.

Сердце у Толи бешено колотилось в груди. У него даже потемнело в глазах на минуту так, что он присел на корточки, ухватившись рукой за Любкину лодыжку.

Когда лифт опустил вниз, Любка спрыгнула и быстро, не оглядываясь, побежала прочь, швырнув каску на цементный пол. Толя смотрел как красиво развеялся на бегу подол её розового платья.

– Ты чем это так девушку напугал? – спросил один рабочий, проходивший мимо.

– Замуж позвал.

– Это она так быстро побежала от тебя или собираться замуж за тебя?

– Пока не ясно, – нахмурил свои брови Толя, подбирая брошенную Любой каску.

– Ну, совет да любовь, – почесал нос рабочий и пошёл дальше.

Спустя десять минут, Любка залетела в коммунальную комнату с бешеными глазами, и принялась пить большими глотками воду из графина на столе. Её мать отвлеклась от чтения своего журнала «Здоровье» на диване «Зорька Ильича».

В комнате у стены стояла кровать Любы и тумбочка со светильником, а напротив диван. У большого, открытого окна расположился стол и шкаф рядом. Ветер колыхал белую тюль.

- Любонька, что стряслось? Да на тебе лица нет!
- Мама, ты представляешь, Близнецов меня замуж позвал!
- Ну позвал да и позвал.
- Меня комсомолку!
- Все комсомольцы должны строить крепкие советские семьи.
- Мама, да он же совсем мне не нравится!
- Не нравится – откажи, и конец разговору.
- Я, мама, обещание святому дала, что выйду за него.
- Какому святому? – вытаращила глаза мать.
- Не помню. Ох! – Любка села на стул, прижав графин ко лбу.

Мать, молча, отложила в сторону журнал, затем достала из дивана маленький бутылёк спирта. Смешав спирт с водой, и разлив в две рюмочки, мать поставила стопку перед Любой.

- Что это? – удивилась дочь.

Мать залпом опустошила рюмку, крикнула, и хлопнула её об пол. Рюмка разлетелась в разные стороны маленькими частями, блестящими в солнечных лучах.

- Любонька, надо выходить, раз святому пообещала.

Раздался телефонный звонок. Анька пулей полетела в комнату.

- Алё!

– Привет, Нюрок, – послышался в трубке писклявый мужской голос.

– Алё! Алё! Ничего не слышно. Ну говорите! Алё! – со всей силы Анька дула в трубку, сетуя на плохую связь, а потом положила трубку.

Поняв, что на проводе назойливый кавалер Федька, она разыграла эту сцену, что бы отвязаться от его попыток пригласить её в кафе или в кино. Телефон зазвонил ещё раз, но на этот раз Анька намеренно не отвечала, на случай если Федька решил перезвонить.

«Ну достал, кролик», – громко сказала она телефону.

Федька Тепляков был высоким и толстым очкариком с короткими волосами и кривой челкой. Федя гордился своими 120 килограммами веса. В одежде он выглядел солидно, а без одежды – смешно и чересчур жирно. От него всегда пахло потом и грязными носками, несмотря на то, что Фёдор поливал себя половиной бутылка дешевой туалетной воды «Финская красавица», что продаётся в переходе «Карла Маркса» двумя пройдохами-гастробайтёрами. Случилось так, что Федька был другом брата Аньки – Андрея. Они вместе учились в институте железнодорожников. Федьке очень нравилась Анька. Он, можно сказать, влюбился в неё с первого взгляда с того самого момента когда увидел её в очень ветреную погоду с задранной ветром юбкой в парке. Тогда он так и не решился подойти познакомиться, но не переставал он ей думать, мечтать и гадать на картах. Страдал он от неразделенной любви до того дня, как Андрей пригласил Федьку к себе домой, а там в пижаме по квартире свободно разгуливает лохматая дама его фантазий!

Федька Аньке не понравился с первого звука, изданного его писклявым полууженским голосом. Как не старался он очаровать её своей широкой улыбкой и большими кроличьими резцами, смотрящими в разных направлениях, она осталась равнодушна, не воспринимая Федьку, как возможного претендента на малейшего рода совместное романтическое приключение. На её взгляд, Федьке надо было бы уменьшить свои габариты ровно вдвое, и побывать у хорошего зубопрера. Но иногда она всё же использовала его чтобы сходить в кино или поесть

мороженого в кафе «Дядя Морне», когда совсем было скучно сидеть дома одной. Федька надеялся, что со временем его терпение растопит Анькино сердце, как масло горячая сковорода.

Когда телефон замолчал, Анька вернулась на кухню. Открыла холодильник, достала два яйца, отделила желтки, смешала их вилкой и тщательно измазала лицо этой смесью. Когда она вышла из ванной комнаты с ярко-желтой физиономией, Анатолий Лукьянович вернулся с работы и сидел в прихожей, расшнуровывая свои поношенные ботинки.

- Анька, что с лицом? – удивлённо посмотрел он на свою дочь.
- Маску яичную делаю.
- Делать тебе нечего. Только яйца переводишь. Лучше бы пожарила их отцу.
- Платье надо беречь с нову, а молодость с молоду.
- Ну ладно, ладно. Где мать?
- На базар ушла?
- Давно.
- Нет.

Анька шмыгнула в свою комнату и закрыла дверь. Анатолий Лукьянович проследовал в свою спальню, снял рабочую одежду, облачившись в пижаму с разноцветными полосками, после уселся перед телевизором. Лайка, мирно дремавшая под столом, обрадованно выбежала с лаем к хозяину и принялась покусывать его домашние тапки.

- Лянка, обожди, вот мать придёт и тебя выгуляет, – отмахивался он от собаки.

Снова зазвонил телефон. Анька быстро сняла трубку. Звонила Наташка из соседнего подъезда, которая была для Аньки что-то вроде компаньона для походов на дискотеки.

- Наконец-то ты позвонила! Я ждалась!
- Я ждала пока Жорик мне звякнет. Сегодня в общаге связисты окончание сессии отмечают.
- Какой ещё Жорик?
- Из школы милиции. Ты его не знаешь. Короче, пойдёшь отмечать?
- Пока родители на дачу не уехали, я гуляю только до десяти вечера.
- После десяти только самое веселье начнётся. Соври, что у Нинки заночуешь. У неё всё равно нет домашнего телефона – звонить бесполезно. Некогда мне говорить – собираться надо! Надумай заходи ко мне в семь.

Закончив разговор, Анька с расстроенным лицом пошла смывать маску, запнувшись о бегущую под ноги собаку.

Лянка, радостно лая, побежала к входной двери, встречая Любовь Петровну, которая, не разуваясь, тут же надела на собаку поводок и пошла её выгуливать.

Не особо рассчитывая, что история с ночёвкой у Нинки поможет ей улизнуть из дома и поскакать в общаге сопливых студентов, Анька решила попытать удачу. Любовь Петровна, молча, выслушала дочь, склонив голову набок. Потом строгим голосом объявила, что Анька может пригласить Нинку ночевать к ним домой, и пошла резать окрошку на ужин.

Вся семья Блинецовых собралась за столом отужинать окрошкой, которая до того была жидкой, что требовалось основательно постараться найти малюсенький кусочек колбасы. Анька болтала ложкой в тарелке, хлебая водичку. Как она скучала за деревенской окрошкой своей бабушки, в которой ложка стояла. Любовь Петровна постоянно экономила на еде как могла. За столом она вечно попрекала своего супруга, что он много жрёт. Тот никогда не спорил с женой, только сильно хмурил заросли своих бровей и продолжал медленно жевать, закрыв глаза. Да, в квартире Блинецовых запрещалось класть много сахара в чай, намазывать много масла на хлеб, заваривать часто чай и кофе. Вообще, часто заходить на кухню не поощрялось. Не экономили только овощи, которые Блинецовы выращивали на своём дачном огороде. Правда в прошлом году какие-то непорядочные личности выкопали у них картошку на даче, поэтому весь год этот овощ был редким гостем на столе.

– Ну что, Анька, решила на кого поступать будешь? – поинтересовался отец, ставя пустую тарелку на стол.

– На налогового инспектора

– Это правильно. Тёплое местечко для бездельников, – поддержал отец.

– Как растут налоги с каждым годом. Ну всё ими обложили. Свободно не вздохнуть. Пёрднешь – плати налог, – возмущалась Любовь Петровна, уставившись в телевизор, прилепленным высоко в углу кухни.

– Любаша, добавки бы, – виновато попросил муж.

– Всё ты жрёшь. Никак не нажрёшься. Как хотите, а я приготовила эту кастрюлю на два дня. Андрею оставить надо, когда он домой завтра вернётся, – приговаривала Любка, болтая поварешкой окрошку.

Поздно вечером Любка улеглась в кровать и повернулась спиной к храпящему мужу. Она закрыла глаза, но не могла уснуть. В голове вертелись разные мысли, которые не давали ей покоя. С закрытыми глазами она видела две фигуры под зонтом в майский проливной дождь у метро станция «Студенческая».

– Ты всегда мне нравилась, – тихо журчал голос мужской баритон.

– Почему же я узнала это только сейчас?

– Не судьба, наверное, было быть нам вместе, Люба. Я шёл к тебе с цветами в тот вечер, когда навстречу мне вышел Толька и объявил, что ты выходишь за него замуж.

– Да если бы я знала, что ты...

– Боялся я признаться. Гордый был. Ждал, что ты первая со мной объяснишься. Как глупо, Люба, как глупо. Или мы были просто молоды.

– Да, Андрей, мы были молоды и не осознавали, что молодость быстро проходит, а её ошибки останутся с нами на всю жизнь, – вздохнула Люба.

– Сына-то в мою честь назвала? – спросил он.

– А-то кого же ещё? – засмеялась она.

– У меня с женой вся жизнь прошла как у кота под хвостом. Давно надо было развестись.

– Ой, не начинай жаловаться. Какая-никакая, а детей тебе родила и воспитала. Раньше была хорошая, раз женился, и теперь не говори дурного.

– А у тебя с мужем как?

– Как у всех, Андрюша. Как у всех. Свои печали и свои радости.

– Может встретимся как-нибудь, Любаня?

– А зачем? – с подозрением спросила она.

– Поговорим, поужинаем, – замялся мужчина.

– А о чём нам говорить теперь? О том что было не сказано вовремя? Знаешь, Андрей, я мужа никогда не любила, но никогда ему не изменяла. И не изменю теперь.

Мужчина стоял, молча, опустив голову. К остановке, рядом с метро, шумно приближался трамвай в слабом освещении уличных фонарей.

– Ну, прощай, Андрей. Мой трамвай, – соврала Люба, чтобы поскорее попрощаться со своей первой любовью с которой пересеклась на встрече выпускников.

В пустом, позднем трамвае, который шёл в совсем другом направлении от дома Любы, она встала у заднего окна, обняв поручень, и смотрела, как силуэт Андрея растворялся в дождливой темноте майской ночи.

Анька позвонила в дверь Наташкиной квартиры. Ей открыл высокий, привлекательный парень с голым торсом, от которого приятно пахло одеколоном. Темные глаза спокойно смотрели сверху вниз. Анька смутилась и на пару секунд потеряла дар речи от увиденного.

– Кто там? – выглянула из комнаты Наташка. – А, Анька, за книгой пришла? Сейчас принесу. Проходи!

Анька вошла, парень, молча, прикрыл дверь, развернулся и ушёл в комнату.

Через минуту Наташка с покрасневшимся лицом и в ночной рубашке подала книгу

– Это кто? – прошептала Анька.

– Это так. Друг, – лепетала Наташка, явно смущённая.

– А чего это он полуголый у тебя расхаживает?

– Ну, ведь жарко же, – нашлась Наташка.

– А родители где?

– А тебе какое дело? Ты за книгой пришла или расследование проводить? – раздражённо ляпнула Наташка.

– Да я так... Уже и спросить нельзя? Ну пока, – Анька стала спускаться вниз по лестнице, сгорая от любопытства и зависти.

На улице заливались птицы в высоких деревьях, растущих длинным рядом около подъездов. В тени на лавочке с утра пораньше сидели бабки с разных подъездов, чтобы перемыть косточки правительству, жильцам и всем мимо проходящим людям. При виде Аньки, бабки быстро заткнулись, а как только она миновала их стаю, тут же зашушукали, как мыши.

Анька терпеть не могла эти стариковские посиделки сплетниц.

– Как они достали сидеть у подъезда! – вырвалась у неё: когда она переступила порог дома.

– Кто? – поинтересовался Андрей.

– Старые кочерыжки!

Послышался хохот Андрей из комнаты.

– А тебе-то что?

– Мне очень даже что! И сидят там обсуждают чего-то, мимо пройти спокойно не дают! И никакая магнитная буря их в кровать не уложит!

– Вот состаришься, и будешь как они сидеть на лавке и жить чужими жизнями, – дразнил Андрей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.